

“Христос не за такую любовь простил!” — восклицает возмущённый отец Иосиф пытающемуся грязно шутить Фёдору Карамазову. Этот же момент повторяется в «Идиоте» и в черновиках к «Дневнику писателя» за 1876 год.

Болезненно двусмысленное положение Сони постоянно подчёркивается: это и чистота её комнаты, и её присутствие в одной комнате с матерью и сестрой Раскольниковом при первом свидании с ним, и её яркая одежда у одра умирающего отца. Существует предположение, что первоначально эти черты Сони — не только как жертвы, но и как воплощающей соблазн — были заострены, но по просьбе — или по требованию — издателей Достоевский существенно переработал отдельные эпизоды, касающиеся образа Сони.

Реконструируется, однако, очень непростой поворот темы: Соня в своём унижении — или в глубочайшей любви к людям — приносила себя в жертву тем мужчинам, которым отдавалась. Конечно, это не имеет ничего общего с той Соней, которую мы видим в окончательном тексте. К тому же при многократных переизданиях романа Достоевский не попытался изменить ничего по существу, стало быть, указания или требования Каткова и Леонтьева совпали с его собственной позицией. Правда, и здесь можно возразить: отсутствие попыток восстановить искажённое в первом издании в изданиях последующих ничего не доказывает, поскольку Достоевский не менял ничего всерьёз в однажды опубликованных произведениях. Так что вопрос о каких-то глубинных основаниях, на которых строится образ Сони Мармеладовой, остаётся неясным.

Есть попытки соотнести образ Сони с Богородицей: на это наталкивают и символика цвета, и её действительно несколько материнское отношение к Раскольникову, и то, что преступники называли её “матушка”, “мать”; но, думается, такое сопоставление спорно. Здесь скорее надо говорить об общей близости, о совпадении.

Третья важная для Достоевского мысль — о конце света. Она представлена двояко. Прежде всего, это тема возможности спасения. Она поднимается в речах Мармеладова: “И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите ссорники!» И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: «Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!» И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи! почто сих приемлещи?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...»

К этой же теме относится вопрос Порфирия Раскольникову, верует ли он в Новый Иерусалим. Выражение “Новый Иерусалим” взято из Апокалипсиса, смысл его трактуется как обозначение новой жизни, преображённого, очистившегося от греха мира. Важно напомнить, что и это выражение, и сама идея были актуальны для утопических социалистов, сен-симонистов.

Принципиальна мысль о телеологии, заданности, конечном итоге земного существования: ради чего мы живём и к чему придём. К этому вплотную примыкает мысль о бессмертии: превратимся ли мы в ничто или продолжим существование, и если продолжим, то в каком виде? Достоевский здесь опять же стремится представить его максимально конкретно. Представление о загробной жизни как глупой бесконечности, о бане с пауками в бреде Свидригайлова очень характерно. Оно имеет переключки с разными текстами Достоевского — со «Сном смешного человека» или с фрагментом из того же «Преступления и наказания», когда некто говорит, что предпочёл бы стоять на уступе скалы вечность, чем умереть.

Надо познакомить учащихся и с проблемой теодицеи, насколько это возможно сделать. Она, правда, не ставится в «Преступлении и наказании» с такой прямоотой, как в «Братьях Карамазовых», но всё же именно рассуждения о несправедливости самого наличия зла приводит Раскольника к его преступной теории. Проблема оправдания зла — проблема открытая. Лейбниц писал о ней: “Это есть предел веры... — верить, что справедлив тот, кто по собственному произволу делает нас достойными осуждения... Если бы можно было хоть как-то понять, каким образом милосерд и справедлив Бог, являющий такую гневливость и несправедливость, не было бы нужды в [вере]”.

Комментируя варианты решения проблемы теодицеи, С.Аверинцев писал: “Бог именно тем и доказал свою благость, что сотворил свободные ангельские и человеческие личности, свобода которых для своей полноты должна включать возможность морального зла, в свою очередь порождающего зло физическое. Совершеннейшие создания — архангел Люцифер и человек Адам получили в качестве высшего Божьего дара способность свободно выбирать между добром и злом и выбрали зло, чем повергли себя и весь космос в состояние несовершенства, вызванного к бытию именно их избыточным совершенством”. Однако надо отметить, что слово Достоевского — одно из последних по этому вопросу, он ставит новые вопросы не только перед человечеством, но и перед религией, и на них ещё предстоит отвечать. Надо различать несовершенство мира, наличие зла в нём и несовершенство человека. Достоевский особо выделяет вопрос о безвинно страдающих, о детях.